

18+ АЖДЫЙ
ДЕНЬ
ПОСЛЕ
ТЕБЯ

Ошибка, которая изменила всё

БЕЗЛИКИЙ ПОЭТ

Безликий поэт

Каждый день после тебя

<https://litres.ru/74369722>

ISBN 9785007092395

Аннотация

Он ушёл от неё сам — испугался, отступил, выбрал свободу. Пять лет он убеждал себя, что всё забыл. Пять лет он строил новую жизнь с другой женщиной. Но одна случайная встреча на улице — и вся его броня рассыпалась в пыль. Он написал ей. Она ответила — чтобы попрощаться.

Теперь каждый его день — это день после неё. День, заполненный воспоминаниями о том, что он потерял. И фантазиями о том, что могло бы быть, если бы он тогда не ушёл.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Каждый день после тебя

Безликий поэт

© Безликий поэт, 2026

ISBN 978-5-0070-9239-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Бывает любовь, которая не проходит. Бывают
ошибки, которые нельзя исправить. Бывает боль,
которая не лечится временем.*

Часть первая

ОШИБКА

Глава 1

Я не помню, с чего начался тот день.

Кажется, с того, что Анна приготовила завтрак. Она иногда делала это — вставала раньше меня, включала музыку на кухне и жарила сырники, напевая что-то себе под нос. У неё был приятный голос, мягкий и ненавязчивый, как фоновая мелодия в хорошем кафе. Я спустился на запах, всё ещё сонный, и она обернулась ко мне с лопаточкой в руке.

— Доброе утро. Кофе готов.

Я обнял её сзади, уткнулся носом в её волосы, пахнущие каким-то цветочным шампунем, и на минуту мне стало спокойно. У нас всё было хорошо. Мы встречались чуть больше полугода, и за это время ни разу не поссорились — не потому что я стал идеальным, а потому что с Анной было легко. Она не требовала объяснений, не допрашивала, не заглядывала в телефон. Она просто была рядом — красивая, свет-

лая, смешливая, с ямочками на щеках и привычкой ходить босиком даже зимой.

Мы позавтракали. Я съел три сырника, хотя не хотел есть — просто чтобы сделать ей приятно. Она рассказывала о своей сестре, которая снова поругалась с мужем, и я качал головой в нужных местах, вставлял короткие реплики и думал о том, что мне повезло. В двадцать пять лет я наконец нашёл женщину, с которой не нужно притворяться. Или почти не нужно.

После завтрака я сел в машину и уехал на работу. В офисе было шумно: запускали новый проект, дизайнеры спорили с разработчиками, руководитель отдела пил пятую чашку кофе и грозился уволиться. Я вникал в детали, задавал вопросы, шутил с коллегами — в общем, был абсолютно нормальным человеком в абсолютно нормальный вторник.

А потом я вышел на обед.

Солнце стояло высоко, улица пахла пылью и нагретым асфальтом. Я перешёл дорогу, направляясь к кафе на углу, и вдруг замер прямо посреди тротуара. Кто-то сзади едва не врезался в меня, обошёл и пробормотал что-то недовольное, но я даже не обернулся.

После завтрака я сел в машину и уехал на работу. В офисе было шумно: запускали новый проект, дизайнеры спорили с разработчиками, руководитель отдела пил пятую чашку ко-

фе и грозился уволиться. Я вникал в детали, задавал вопросы, шутил с коллегами — в общем, был абсолютно нормальным человеком в абсолютно нормальный вторник.

А потом я вышел на обед.

Я увидел её.

Она стояла у витрины книжного магазина через дорогу. Тёмные волосы, длинные, ниже плеч — она всегда носила их распущенными, сколько я её помнил. Карие глаза, которые я узнал бы из тысячи, из миллиона, из любой толпы, даже если бы прошло не шесть лет, а шестьдесят. Она смотрела на книжную полку через стекло, слегка склонив голову набок — этот жест я помнил слишком хорошо, он пронзил меня насквозь, как будто кто-то вогнал спицу прямо под рёбра.

Эллара. Элли.

Она не видела меня. Она просто стояла и разглядывала книги, и её лицо было спокойным и задумчивым. Я не мог пошевелиться. Я стоял на другой стороне улицы, сжимая в руке телефон, и чувствовал, как сердце бьётся где-то в горле, мешая дышать. Прошло шесть лет. Шесть чёртовых лет, за которые я убедил себя, что всё прошло. Что я перерос ту ис-

торию, как перерастают детскую одежду. Что я живу дальше.

И вот она стояла в двадцати метрах от меня, живая и настоящая, и весь мой покой рухнул, как карточный домик от сквозняка.

Рядом с ней появился мужчина. Высокий, в светлой рубашке, с аккуратной стрижкой. Он протянул ей стаканчик с кофе — она обернулась к нему и улыбнулась той самой улыбкой, которую я когда-то считал своей. Он что-то сказал, она засмеялась, и они пошли дальше по улице, взявшись за руки.

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом.

Потом я зашёл в первое попавшееся кафе, сел за столик у окна и заказал кофе. Руки дрожали — не сильно, но достаточно, чтобы я заметил. Я смотрел в одну точку и чувствовал, как внутри поднимается что-то огромное и тёмное, что-то, что я давил в себе годами. Оно поднималось медленно, неумолимо, как вода в колодце после долгих дождей.

Я не видел её шесть лет. Шесть лет я не позволял себе думать о ней дольше нескольких секунд. Я заблокировал её номер, удалил все фотографии, перестал заходить в соцсети, где мог увидеть её лицо. Я выжег её из своей жизни с мето-

дичностью хирурга — и гордился этим. Я думал, что победил. Я думал, что смог.

Но вот она прошла мимо — просто прошла мимо с кофе и книжным магазином — и от меня не осталось ничего. Никакой защиты. Никакой брони. Только голая, кровоточащая правда: я ничего не забыл. Я просто научился не вспоминать.

Я вернулся в офис, досидел до конца дня, ответил на письма, провёл созвон. Анна написала: «Купить что-нибудь к ужину?» Я ответил: «Да, конечно». Дома мы смотрели фильм, и она клала голову мне на плечо, а я гладил её по волосам и думал о тёмных прядях, рассыпанных по подушке в другой спальне, в другой жизни, которую я разрушил сам.

Ночью, когда Анна уснула, я вышел на балкон. Город горел огнями, где-то внизу шумели машины, и тёплый ветер приносил запах лета — тот самый запах, который когда-то принадлежал нам. Я стоял и смотрел в темноту, и впервые за шесть лет позволил себе задать вопрос, от которого бежал всё это время.

А что, если бы я тогда не ушёл?

Я не знал ответа. Но я знал, что теперь этот вопрос будет звучать во мне снова и снова, и я ничего не смогу с ним сде-

латъ.

Глава 2

Домой я вернулся позже обычного.

Анна уже была в спальне — сидела на кровати с ноутбуком, смотрела какой-то сериал в наушниках и даже не услышала, как я вошёл. Я остановился в дверях и молча наблюдал за ней минуту. Она смеялась над чем-то, что происходило на экране, и её лицо было таким безмятежным, что мне стало стыдно. За сегодняшний день. За книжный магазин. За дрожжащие руки в кафе. За то, что я смотрел на другую женщину и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Ты поздно, — сказала она, заметив меня, и сняла один наушник.

— Много работы, — ответил я и поцеловал её в лоб.

Она кивнула и вернулась к сериалу. Я пошёл в душ, долго стоял под горячей водой, упираясь ладонями в стену, и пытался смыть с себя этот день. Не получилось.

Позже, когда Анна уснула, я вышел на балкон. Ночной воздух пах летом — тем самым запахом, который я когда-то считал своим. Смесь нагретого асфальта, тополиных почек и чего-то сладкого, цветочного, едва уловимого. Я закурил, хотя почти бросил, и уставился на огни соседних домов.

И в тишине, под аккомпанемент далёкого шума машин, я впервые за шесть лет позволил себе вернуться туда. В то лето. В тот день. В тот самый первый разговор.

Июнь. Мне девятнадцать. Я стою на чужой даче, куда меня затащил друг, и мечтаю только об одном — сбежать. Я не люблю такие вечеринки: много незнакомых людей, дешёвое вино, разговоры ни о чём. Я стою в углу с пластиковым стаканчиком и считаю минуты. И тут кто-то задевает меня локтем. «Ой, прости. Я тебя не заметила. Ты так хорошо сливаешься с забором». Я оборачиваюсь — и вижу её. Тёмные волосы, карие глаза, насмешливая улыбка. Эллара. Элли. Она смотрит на меня так, будто мы уже сто лет знакомы, и я забываю, что хотел сбежать.

Я затушил сигарету и закурил вторую. В груди было тесно. Я не вспоминал этот вечер годами — специально не вспоминал, вырезал из памяти, как вырезают сцену из фильма, которая делает слишком больно. Но теперь она вернулась. Не просто как воспоминание, а как что-то живое, дышащее, требующее внимания.

Я вспомнил, как она смеялась. Как назвала меня «тот, кто маскируется под забор». Как мы сидели на ступеньках веранды, пока остальные танцевали, и говорили о какой-то ерунде. Как она сказала: «Должна быть книга, которая изменила твою жизнь. Хотя бы одна». Как я ответил, что у меня нет

такой, а она пообещала, что я её найду.

Я не нашёл. Зато нашёл её. И потерял.

Докурив вторую сигарету, я потушил окурок о перила. Руки дрожали — не от холода, ночь была тёплой. Просто внутри что-то расходилось, расползалось, как трещина по стеклу. Я шесть лет держал себя в руках. Шесть лет не позволял себе даже думать о ней. А теперь она стояла у меня перед глазами — живая, настоящая, с другим мужчиной.

Я вернулся в квартиру. Анна спала, свернувшись калачиком под одеялом, и её дыхание было ровным и спокойным. Я лёг рядом, закрыл глаза и попытался уснуть.

Но перед глазами всё ещё стояла она. Карие глаза. Тёмные волосы. Улыбка, которую я когда-то считал своей.

Я не спал до рассвета.

Глава 3

Утро началось с того, что я не мог найти ключи от машины.

Я перерыл всю прихожую, заглянул под коврик, проверил карманы вчерашней куртки — ничего. Анна уже уехала на работу, и в квартире было тихо. Я стоял посреди коридора и чувствовал, как внутри закипает раздражение. Не из-за ключей. Из-за вчерашнего дня. Из-за книжного магазина. Из-за того, что я не спал до рассвета.

Ключи нашлись на кухне, под салфеткой. Я сам их туда положил вчера вечером, просто забыл. Забыл, потому что думал о другом. Думал о ней.

В машине я включил радио, чтобы заглушить тишину. Играла какая-то старая песня — из тех, что крутили по радио лет шесть назад, когда мы с Элли ещё были вместе. Я не помнил названия, но мелодию узнал сразу. И на секунду перестал дышать. Перед глазами встала картинка: ей девятнадцать, она сидит на подоконнике в моей съёмной квартире, болтает босыми ногами и подпевает радио. У неё ужасный голос — она сама это знала и поэтому пела нарочно громко и фальшиво, чтобы меня рассмешить. «Я стану великой певицей, — говорила она между куплетами, — просто мир

ещё не готов». Я смеялся, и она смеялась в ответ, и мы оба знали, что никакой певицей она быть не хочет. Она просто любила, когда я смеюсь.

Сигнал сзади вернул меня в реальность. Я слишком долго стоял на светофоре. Водитель за мной нетерпеливо махнул рукой. Я поехал дальше.

В офисе было тихо — пятница, половина отдела работала из дома. Я сел за ноутбук, открыл почту и уставился в экран. Буквы расплывались. Я прочитал одно и то же письмо три раза и всё равно не понял, о чём оно. Мысли возвращались к ней.

Я вспомнил, как однажды мы сидели на полу в её комнате, вокруг были разложены какие-то чертежи и цветные карандаши. Она готовилась к экзамену по проектированию и нервничала. «Если я завалю этот предмет, — сказала она, закусывая губу, — я брошу всё и уеду в горы пасти овец». Я спросил, можно ли мне с ней. Она сделала серьёзное лицо: «Ты? Ты же боишься овец». Я не боялся овец, но подыгрывал. «Ладно, тогда оставайся здесь и шли мне письма». Она сказала это так буднично, как будто мы уже договорились о совместной жизни, и от этой будничности у меня внутри всё перевернулось. Мне было девятнадцать, и я впервые подумал о том, что хочу с кем-то состариться.

В обед я не пошёл в кафе. Сидел на лавочке у офиса, жевал бутерброд и смотрел, как облака ползут по небу. Рядом кто-то разговаривал по телефону, смеялся, рассказывал о планах на выходные. Я не вслушивался.

Я снова был там — в дождливом вечере, когда мы возвращались из кинотеатра и попали под ливень. Она схватила меня за руку и потащила в ближайший подъезд. Мы стояли в чужом подъезде, мокрые насквозь, и она смеялась. «Мы выглядим как два утопленника», — сказала она, отжимая волосы. Капли воды стекали по её лицу, и я подумал, что она красивее всех, кого я видел. Я не сказал этого вслух — тогда я вообще редко говорил такие вещи. Но она, кажется, поняла. Она всегда понимала.

Я досидел до конца рабочего дня. Ответил на письма. Провёл короткий созвон. Попрощался с коллегами. Всё как обычно. Всё по плану.

По дороге домой я свернул не туда. Не специально — просто задумался и пропустил поворот. Оказался в незнакомом дворе, среди старых пятиэтажек и разросшихся тополей. Пришлось разворачиваться. И когда я уже выезжал обратно на дорогу, я снова увидел её.

Она шла по тротуару одна. Без того мужчины. В лёгком летнем платье, с сумкой через плечо. Она была совсем близко — метров десять, не больше. Я мог бы опустить стекло.

Мог бы окликнуть её. Мог бы выйти из машины и подойти.

Я не сделал ничего. Просто смотрел, как она проходит мимо, и сердце колотилось так, что его, казалось, было слышно снаружи. Она не заметила меня. Даже не посмотрела в мою сторону. Просто прошла мимо — и скрылась за углом.

Я вспомнил, как она стояла у калитки дачи, где мы встретились впервые, и говорила: «Ты забыл спросить мой номер». Её пальцы дрожали, когда она протягивала мне телефон. Я не знал тогда, что этот момент станет одним из тех, которые я буду прокручивать в голове годами. Я не знал, что пройдёт шесть лет, а я всё ещё буду чувствовать тепло её пальцев на своих.

Я приехал домой. Анна что-то готовила на кухне — пахло специями и тушёными овощами. Она что-то рассказывала, и я кивал, и даже вставлял какие-то слова в нужных местах. Мы поужинали. Посмотрели фильм. Она положила голову мне на плечо, и я гладил её по волосам.

Всё как обычно. Всё по плану.

Но внутри меня уже шла другая жизнь. Параллельная. Та, в которой я не ушёл. Та, в которой она всё ещё моя. Та, в которой я не сижу на балконе ночью, не курю тайком и не перебираю в голове обрывки прошлого, как старые фотогра-

фии из коробки, которую я так и не решился выбросить.

Я лёг спать. Закрыл глаза. И увидел её снова. На этот раз — во сне.

Глава 4

В субботу Анна уехала к сестре.

Она предлагала поехать вместе — сестра жила за городом, там был участок с яблонями и старым гамаком, в котором я однажды чуть не перевернулся. Обычно я соглашался: мне нравилось там, нравилось сидеть на веранде с чашкой чая и слушать, как ветер шумит в кронах. Но в этот раз я сказал, что устал. Что хочу побыть один. Анна посмотрела на меня внимательно — на секунду дольше, чем обычно, — но ничего не спросила. Поцеловала в щёку и ушла собирать сумку.

Когда её машина выехала со двора, я остался один в пустой квартире.

Тишина была плотной, почти осязаемой. Я слонялся по комнатам, не зная, куда себя деть. Попытался читать — не смог. Попытался разобрать почту — бросил. Включил телевизор и тут же выключил. Что-то зудело внутри, какое-то беспокойство, которому я не мог найти названия. Хотя на самом деле название было. Я просто не хотел его произносить.

Я сел за ноутбук. Открыл браузер. Завис над поисковой строкой.

Её имя. Я не вбивал его уже шесть лет. Шесть лет назад я специально удалил её из друзей, из закладок, из поисковых запросов — везде, откуда она могла на меня посмотреть. Я сделал это в один вечер, решительно и жестоко, как отрезают больной палец. И все эти годы я держался. Ни разу не проверил, как она живёт. Ни разу не набрал её имя в строке.

Сегодня я набрал.

Поиск выдал несколько ссылок. Я пролистал первые три — незнакомые люди с похожими именами. А потом увидел её. Это была страница в соцсети — не основная, какая-то старая, заброшенная, но её. На аватарке она стояла на фоне моря, ветер трепал её тёмные волосы, и она улыбалась — не в камеру, а куда-то в сторону, будто её кто-то окликнул. Я помнил эту улыбку. Я помнил, как она появлялась медленно, уголками губ, а потом расцветала полностью, и удержаться от ответной было невозможно.

Я кликнул на страницу. Сердце стучало где-то в ушах.

Фотографий было мало — штук десять, не больше. Она не любила соцсети, всегда говорила, что это «ярмарка тщеславия». Но те, что были, я пролистал раз десять. Она в кафе с подругами, смеётся, в руке чашка с чем-то горячим. Она на выставке, вполоборота, задумчивая. Она с собакой — боль-

шим рыжим псом, которого я не знал. И ещё одна, последняя, от которой у меня перехватило дыхание.

На этом снимке она была не одна. Тот самый мужчина — высокий, светлая рубашка, та же аккуратная стрижка — стоял рядом с ней, обнимая за плечи. Она прижималась к нему, и её лицо было спокойным. Не счастливым — спокойным. Это было хуже. Счастье можно было бы списать на удачный кадр. Спокойствие говорило о том, что всё в порядке. Что она живёт свою жизнь, в которой меня нет.

Я закрыл ноутбук. Потом снова открыл. Снова закрыл. Встал, прошёлся по комнате. Вернулся.

Мне нужно было что-то сделать. Что-то, что разорвёт этот круг. Я не мог просто сидеть и смотреть на её фотографии, как сталкер, как одержимый. Я не мог продолжать притворяться, что ничего не чувствую, когда каждая клетка тела кричала о ней.

Телефон лежал на столе. Я взял его. Открыл мессенджер.

Её номер был всё ещё у меня. Я не удалял его — просто заблокировал, спрятал в чёрный список, как заражённый файл. Я нашёл его в настройках, в списке заблокированных контактов. Одно нажатие — и она снова доступна. Одно на-

жение — и шесть лет самодисциплины летят к чертям.

Я нажал

Открылся чат. Пустой. Последнее сообщение было отправлено шесть лет назад — какое-то «спокойной ночи», даже не помню, кто из нас его написал. Я смотрел на пустую строку ввода и не знал, что сказать. «Привет»? Слишком просто. «Как дела?» Слишком глупо. «Я скучаю»? Слишком поздно.

Я просидел так полчаса. Набрал сообщение. Стёр. Набрал другое. Стёр. Положил телефон экраном вниз. Поднял. Снова открыл чат.

И написал

«Привет, Элли. Это я. Не знаю, имею ли я право писать тебе спустя столько лет. Наверное, нет. Но я увидел тебя на прошлой неделе и не мог больше молчать. Если ты не хочешь отвечать — я пойму. Просто знай: я думаю о тебе».

Я нажал «отправить» до того, как успел передумать.

Сообщение улетело. Одно мгновение — и всё, обратного пути нет. Я отложил и уставился в стену. Прошла минута. Две. Десять. Отве-

та не было. Я не ждал, что она ответит сразу. Я вообще не был уверен, что она ответит. Может быть, она сменила номер. Может быть, заблокировала меня в ответ. Может быть, просто посмотрит на сообщение, усмехнётся и удалит.

Телефон молчал весь день.

Я не находил себе места. Ходил по квартире, выходил на балкон, возвращался, снова брал телефон. Тишина. Только соседи за стеной включали музыку, да где-то на улице лаяла собака.

К вечеру я почти смирился. Сказал себе: что ж, я попытался. Она не ответила — и это её право. Может быть, даже к лучшему. Может быть, мне нужно было именно это: тишина в ответ, которая расставит всё по местам. Она счастлива с другим. Она забыла меня. Она живёт своей жизнью. А я буду жить своей.

Я почти поверил в это.

А в три часа ночи телефон зажёгся.

«Привет. Я ждала это сообщение шесть лет».

Я смотрел на экран и не мог дышать. Она ответила. Она ждала. Все эти шесть лет она ждала, пока я наберусь смелости написать.

Я не спал до утра. Мы переписывались — сначала осто-

рожно, потом всё более открыто. Она рассказала, что живёт в том же городе, работает дизайнером, как и мечтала. Что у неё кто-то есть, но она не уверена, что это навсегда. Что она помнит меня. Что не меняла номер специально — на случай, если я когда-нибудь захочу её найти.

А утром пришло последнее сообщение.

«Я рада, что ты написал. Правда рада. Я ждала этого долго — слишком долго. Но сейчас я должна попрощаться. Я меняю номер. Не пытайся найти меня снова. Ты сделал свой выбор шесть лет назад, и я приняла его. Теперь я делаю свой. Прощай».

Я перечитал это сообщение раз двадцать. Набрал ответ: «Элли, подожди. Дай мне шанс». Не отправилось. Абонент был уже недоступен.

Она исчезла. Во второй раз. И теперь — навсегда.

Глава 5

Анна вернулась в воскресенье вечером.

Она вошла в квартиру с сумкой, полной яблок, и с порога начала рассказывать, как сестра снова поругалась с мужем, как они сидели на кухне до двух ночи и обсуждали, стоит ли ей подавать на развод. Я слушал, кивал, даже задавал какие-то вопросы — но всё это происходило будто не со мной. Моё тело стояло в прихожей, обнимало Анну, принимало у неё сумку. А я сам был где-то в другом месте. Вернее — в другом времени.

Телефон лежал в кармане. Я чувствовал его вес, его тепло, его молчание. После того сообщения прошло больше суток. Она не ответила. Я уже почти убедил себя, что не ответит никогда.

— Ты меня вообще слушаешь? — Анна помахала рукой перед моим лицом.

— Да, конечно. Сестра, развод, два часа ночи. Я слушаю.

Она посмотрела на меня с лёгким прищуром, но ничего не сказала. Просто прошла на кухню и начала выкладывать яблоки в вазу. Я стоял в дверях и смотрел, как она это де-

лает — привычно, по-хозяйски, будто мы уже десять лет женаты. Красивая женщина на моей кухне. Заботливая. Любящая. Та, которую я не заслуживал.

Телефон завибрировал в кармане.

Я вздрогнул, как от удара током. Анна обернулась.

— Кто-то по работе, — сказал я, не глядя на экран. — Я сейчас.

Я вышел в коридор и только там достал телефон.

«Привет. Я ждала это сообщение шесть лет».

Сердце ударило так, что потемнело в глазах. Я прислонился к стене и перечитал сообщение. Раз. Второй. Третий. Она ждала. Все эти шесть лет она ждала, пока я наберусь смелости. Она не забыла. Не вычеркнула. Не удалила мой номер. Она просто ждала.

— Что там? — крикнула Анна из кухни.

Я не ответил. Не смог. Горло перехватило. Я быстро набрал ответ — что-то короткое, я даже не запомнил что, просто чтобы поддержать разговор, чтобы она не пропала снова, — и убрал телефон.

— Да так, отчёт прислали не тот, — сказал я, возвращаясь на кухню. Голос звучал чужо. — Ерунда, завтра разберусь.

Анна кивнула и продолжила рассказывать про сестру. А я стоял и думал только об одном: как бы снова достать телефон. Как бы остаться одному. Как бы написать ей ещё что-то, что угодно, лишь бы она не исчезала.

Мы поужинали. Анна приготовила пасту — мою любимую, с томатным соусом и базиликом. Я ел и не чувствовал вкуса. Я смеялся над её шутками и не понимал, над чем смеюсь. Я был как актёр, который забыл слова роли, но продолжает открывать рот, надеясь, что никто не заметит.

Телефон снова завибрировал. Я дёрнулся, и вилка звякнула о тарелку.

— Да что с тобой сегодня? — Анна положила ладонь мне на руку.

— Живот прихватило, — сказал я, вставая из-за стола. — Наверное, съел что-то не то за обедом. Я сейчас.

Я заперся в ванной. Сел на край бортика и открыл сообщение. Это была она — длинное, на несколько экранов. Она писала о том, что помнит всё: наши ночные разговоры, мою

дурацкую привычку прятаться в углу на вечеринках, запах сигарет, который был у меня в волосах. Она писала, что не меняла номер все эти годы — специально, на случай если я когда-нибудь захочу её найти.

Я читал и не мог дышать. В груди росло что-то огромное, распирало рёбра, давило на горло. Я начал набирать ответ, но пальцы дрожали и попадали не по тем клавишам. Я стирал, писал заново, снова стирал.

— У тебя всё нормально? — Анна постучала в дверь.

— Да! — крикнул я слишком громко. — Почти всё. Ещё пять минут.

Я ненавидел себя в этот момент. Ненавидел за то, что сижу в запертой ванной и отвечаю другой женщине, пока моя девушка ждёт за дверью. Ненавидел за то, что врал ей. Ненавидел за то, что не мог остановиться.

Но руки сами тянулись к телефону.

Мы переписывались — она была онлайн, и каждое сообщение приходило почти мгновенно. Я узнал, что она работает дизайнером, как и мечтала. Что у неё кто-то есть. Что она не уверена, любит ли его. Что иногда она просыпается

ночью и вспоминает меня.

А потом она написала то, от чего у меня внутри всё обрывалось.

«Я рада, что ты написал. Правда рада. Я ждала этого долго — слишком долго. Но сейчас я должна попрощаться. Я меняю номер. Не пытайся найти меня снова. Ты сделал свой выбор шесть лет назад, и я приняла его. Теперь я делаю свой».

Я смотрел на экран и не верил. Перечитал сообщение. Ещё раз. Ещё.

Набрал: «Элли, подожди. Дай мне шанс. Я хочу увидеть тебя. Пожалуйста».

Нажал «отправить».

Не доставлено. Абонент был уже недоступен.

Я сидел в ванной и смотрел на три слова, которые изменили всё. Не доставлено. Она исчезла. Во второй раз. И теперь — навсегда.

Через полчаса я вышел. Анна сидела на диване и смотрела фильм. Я сел рядом, и она положила голову мне на плечо.

— Ты какой-то бледный, — сказала она. — Точно ничего не съел?

— Точно, — ответил я. — Уже лучше. Просто устал.

Я обнял её и уставился в экран. Там что-то происходило — люди бежали, стреляли, спасали друг друга. Я не видел ничего. Перед глазами стояла она. Элли. Её последнее «прощай». Её голос, которого я уже никогда не услышу.

Я продолжал сидеть рядом с Анной, гладить её по волосам и улыбаться в нужных местах. Но внутри уже всё рухнуло. Внутри был только пепел.

Глава 6

Первые несколько дней я ещё держался.

Ходил на работу, отвечал на письма, улыбался коллегам. Анне говорил, что всё в порядке — просто устал, просто не выспался, просто завал по проекту. Она верила. Или делала вид, что верит. Я не вникал.

А по вечерам, когда она засыпала, я выходил на балкон и курил. И думал. И снова набирал её номер — просто чтобы услышать короткие гудки или механический голос: «Абонент недоступен». Я знал этот голос наизусть. Он стал моим ежевечерним ритуалом. На пятый день я сорвался.

После работы я не поехал домой. Просто сидел в машине и смотрел на руль. А потом завёл двигатель и поехал в другой район — туда, где видел её в первый раз, у книжного магазина. Я не планировал этого. Я вообще перестал что-то планировать.

Книжный магазин был открыт. Я зашёл внутрь — пахло бумагой и кофе, играла тихая музыка. Я прошёлся между полками, всматриваясь в лица посетителей, хотя знал, что её здесь нет. Просто здесь она стояла тогда. Просто здесь она смотрела на книги, слегка склонив голову набок. Просто здесь был последний момент, когда я видел её по-настоящему.

му близко.

Я купил книгу. Какую-то случайную, даже не посмотрел название. Просто чтобы выйти из магазина с чем-то в руках.

Потом я поехал в тот двор, где видел её во второй раз. Старые пятиэтажки, разросшиеся тополя, лавочка у подъезда. Я припарковался и просто сидел, опустив стекло. Люди шли мимо: мамы с колясками, старушки с собаками, подростки с самокатами. Её не было. Я просидел час, полтора. Потом завёл машину и уехал.

На следующий день я повторил маршрут. И через день. И ещё через день. Это стало моим тайным расписанием: работа — Анна — ужин — ночной балкон — а на следующий день снова те же улицы, те же дворы, те же тщетные поиски.

Я не знал её адреса. Она переехала после нашего разрыва — я помнил это из нашего разговора, того самого, шестилетней давности, когда она сказала: «Я не могу оставаться в этой квартире, здесь всё пахнет тобой». Я не знал, где она живёт теперь. Я знал только район — по обрывкам её старых рассказов, по случайным ориентирам, которые она упоминала когда-то: парк с фонтаном, булочная на углу, дом с мозаикой на торце.

Я искал этот дом. Я объездил все улицы в том районе, всматриваясь в фасады, пока однажды не нашёл его. Старая девятиэтажка с выцветшей мозаикой — что-то космическое,

звезда и ракета, наследие советских времён. Я припарковался напротив и заглушил двигатель.

Был вечер. В окнах загорался свет. Я смотрел на них и гадал: какое из этих окон её? Может быть, третье слева, где горит тёплый оранжевый свет? Может быть, пятое, где колыхается занавеска?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.